

Глава 3. Вступление в поместье Цзя

Линь Лан со спутниками подошли к парадным покоям Зала Жунси. Отряхнув дорожную пыль с одежд, они вместе с Цзя Лянем переступили порог.

На почетном месте в глубине зала восседала пожилая дама. Её серебряные волосы украшало множество золотых и нефритовых шпилек. По правую и левую руку от неё сидели юноша и девушка: первый — в ярко-красном парчовом халате, вторая — в скромном платье, но исполненная утонченного изящества.

Линь Лан и Цзя Лянь шагнули вперед и склонились в почтительном семейном поклоне.

— Матриарх! — в один голос произнесли они.

Но не успел Линь Лан опуститься на колени, как старая госпожа Цзя крепко обняла его и запричитала:

— Ох, сокровище моё, плоть от плоти моей! Что же ты так долго ехал? Вся иссохла старуха, тебя поджидая!

Договорить она не успела — слезы сами покатились из её глаз. Чертами лица Линь Лан до безумия походил на покойную Цзя Минь. При одном взгляде на внука старая госпожа прониклась к нему нежной любовью, но воспоминания о безвременно ушедшей дочери вновь всколыхнули в её сердце глубокую скорбь.

Видя слезы Матриарха, остальные обитательницы покоев тоже принялись утирать глаза шелковыми платками. Девушка, сидевшая подле старой госпожи, покраснела, она едва сдерживала слезы. То была Дайюй, которую Матриарх привезла в столицу три года назад.

Заметив, что сестра вот-вот расплачется, Линь Лан мягко улыбнулся:

— Ещё в дороге второй брат Лянь уверял меня, будто Матриарх ждет встречи больше жизни. Теперь же, когда я наконец явился, вы плачете. Видно, пришелся я вам не по нраву и только расстроил почтенную бабушку.

Старая госпожа души не чаяла в своей покойной дочери, а в её единственном сыне готова была раствориться без остатка. Разве могла она допустить, чтобы мальчик почувствовал себя обделенным лаской? Осушив слезы, она ласково пожурела его:

— Вздор какой выдумал! Сколько писем я отправила в Янчжоу, умоляя тебя приехать в столицу? А ты всё отнекивался да откладывал дорогу. И надо же было сказать такое в первый день!

Убедившись, что Матриарх успокоилась, да и Дайюй сдержала слезы, Линь Лан почтительно пояснил:

— Не корысти ради я медлил, бабушка. Отец рассудил, что в юные годы я был слишком уж строптив и непоседлив. Он опасался, как бы мои шалости не разгневали вас и не подорвали ваше драгоценное здоровье. Это было бы величайшим грехом для младшего поколения. Вот почему я решился приехать лишь теперь, когда немного набрался ума.

— Поглядите-ка на этого остряка, — рассмеялась Матриарх. — Настоящий соловей, весь в Юй-эр пошел — та за словом в карман тоже не лезет.

Ван Сифэн, заметив, как сильно старуха привязалась к гостю, поспешила вклиниться в разговор с шутливым упреком:

— Когда сестрица Линь только приехала, наше дорогое сокровище окружило её такой заботой, что я вмиг лишилась прежнего расположения. А теперь, с прибытием брата Линя, боюсь, моя скромная персона и вовсе окажется на задворках вашей милости!

Все дружно рассмеялись. Цзя Лянь, сделав шаг вперед, встал подле жены и добродушно добавил:

— Двоюродный брат, не принимай её слова близко к сердцу. У твоей невестки язык острый, да нрав добрый.

Линь Лан вежливо поклонился Ван Сифэн:

— Так вы и есть вторая невестка Лянь! Юй-эр часто писала мне, что невестка обладает редким великодушием и относится к ней с исключительной теплотой. Позвольте мне принести вам глубочайшую благодарность за заботу о моей сестре.

— К чему эти церемонии! — звонко рассмеялась Ван Сифэн. — Мы ведь одна семья!

— И верно, не благодари её, — вставила старая госпожа. — Наша Острая Фэн — баба отходчивая и деятельная. Если возникнут какие заботы, смело перекладывай на её плечи!

Ван Сифэн сделала несколько шагов вперед и с притворным вздохом пожаловалась:

— Вот уж воистину: с глаз долой — из сердца вон! Стоило явиться новому любимцу, как Матриарх сразу записала меня в простые служанки!

— Посмотрите на неё, вздумала ревновать, точно дитя малое! — шутливо отмахнулась старуха.

Пока они препирались, Цзя Лянь выступил вперед:

— Бабушка, у меня скопились неотложные дела на мужской половине. Позвольте мне откланяться и не мешать вашей беседе.

— Ступай, мужчине не пристало попусту тратить время в женских покоях, — благословила его старая госпожа.

Цзя Лянь удалился. Пользуясь передышкой, служанки внесли тазы с теплой водой, чтобы госпожи и молодые барышни могли освежиться с дороги.

Линь Лан подошел к сестре. Дождавшись, пока служанка умоет её, он с теплой улыбкой раскрыл объятия:

— Помнится, раньше ты при встрече сразу бросалась мне на шею. А теперь стоишь молча и только слезы льешь. Видно, глупый брат предстал пред твои очи не вовремя, раз заставил сестрицу плакать.

Дайюй безумно радовалась его приезду, но в присутствии Матриарха и тетюшек стеснялась проявить чувства. Услышав ласковые слова брата, она отбросила робость, прильнула к его груди и тихонько разрыдалась.

Линь Лан не стал унимать её слез. Он лишь крепко обнимал её, глядя по волосам, пока плач не утих сам собой. Когда Дайюй наконец отстранилась, глаза её были красными, а вид — самым жалким и трогательным.

Взяв из рук горничной влажный платок, Линь Лан бережно стер слезы с лица сестры.

Умывшись, старая госпожа перевела взгляд на внуков. Видя, что долгая разлука несколько не охладила их родственную привязанность, она почувствовала искреннее облегчение.

— Лан-эр, подойди поближе, — позвала Матриарх, когда юноша закончил приводить сестру в порядок. — Поклонись своим тетюшкам.

Линь Лан послушно подошел и совершил надлежащие поклоны сначала перед старшими госпожами Син и Ван, затем поприветствовал двоюродных сестер. Вернувшись к Матриарху, он наконец удостоился знакомства с Цзя Баоюем. Тот с самого начала жаждал заговорить с новоприбывшим кузеном, но, сдерживаемый приличиями, терпеливо ждал хозяйского слова. Стоило Матриарху назвать его имя, как Баоюй тут же схватил Линь Лана за руку:

— Брат Лан, верно, ты несказанно утомился в пути? Не хочешь ли поселиться в моих покоях? Будем жить вместе, делить досуг и забавы!

Линь Лан мягко, но уверенно высвободил ладонь и с улыбкой ответил:

— Премного благодарен брату Бао за радушие. Я и сам бы с радостью разделил с тобой кров, чтобы вместе предаваться учению и играм, да только со мной прибыло слишком много слуг. Опасаюсь, что суета моих людей нарушит твой покой и праздность.

Повернувшись к старой госпоже, Линь Лан добавил:

— Прошу лишь почтенную бабушку выделить мне какой-нибудь скромный уголок. К роскоши я не привык, мне бы лишь такое место, где зимой тепло, а летом прохладно.

— Велика ли забота! — рассмеялась Матриарх. — Твоя невестка Сифэн уже приготовила для тебя славный дворик. К слову, ты упомянул слуг. Где же они? Покажи их мне, старухе, любопытно взглянуть.

— Все они девки простые, столичных манер не знающие, — с мягкой усмешкой ответил Линь Лан. — Боюсь, как бы не оплошали в этикете. Но раз бабушка велит, я позову их.

Вскоре в залу вошли служанки. Впереди шествовали Хэцзя и три другие старшие горничные, за ними следовали ещё четыре первостатейные служанки, а замыкали шествие шестнадцать помощниц второго ранга. Чинно опустившись на колени, они в один голос произнесли:

— Бьем челом старой госпоже, почтенным господам и барышням!

Матриарх, подметив их безукоризненную выправку, благожелательно кивнула:

— Поднимитесь.

— Благодарим старую госпожу! — хором ответили служанки, поднимаясь на ноги.

Каждая из них была свежа и миловидна. Сердце Матриарха растаяло при виде такой девичьей красоты:

— Какие пригожие да ладные девицы! Сдаётся мне, представь их кто знатными барышнями — я бы поверила без тени сомнения.

— Ну что вы, бабушка, негоже им приписывать лишнее, — с поклоном ответил Линь Лан. — Просто ликом вышли чуть аккуратнее прочих.

Он спустился к служанкам и представил их:

— Эти четверо — мои старшие горничные, следующие четыре — верные помощницы сестры. Позади стоят по восемь младших служанок для меня и для Юй-эр. Слуг-мужчин я оставил во дворе, дабы не смущать женскую половину дома.

Старая госпожа удовлетворенно кивала каждому его слову:

— Славно, весьма славно. Именно такое убранство и приличествует детям из благородных чиновничьих семей.

Услышав это замечание, Сюэ Баочай переменилась в лице. Она прекрасно поняла намек на скромное происхождение собственной купеческой семьи. Девушка судорожно сжала шелковый платок, но она совлادала с собой и не проронила ни звука.

Тем временем Линь Лан продолжил:

— Мое появление со столь внушительной свитой неизбежно нарушит покой вашей обители. Дабы облегчить душу от невольного стыда, я умоляю почтенную бабушку принять скромное подношение на нужды нашего содержания.

По его знаку Хэцзя шагнула вперед и почтительно протянула пачку векселей на общую сумму в двадцать тысяч лянов серебра.

Матриарх притворно нахмурилась:

— Что за глупости! Мы ведь одна кровь, к чему эти денежные счета? Если действительно желаешь старухе здоровья, немедленно спрячь обратно эти бумаги!

— Не гневайтесь, бабушка, такова была строгая воля моего отца, — примиряюще заговорил Линь Лан, заметив, что её гнев утих. — Он рассудил так: пока здесь гостила одна лишь сестрица, предлагать плату за её содержание было бы оскорблением для родственных чувств. Но теперь приехал я, да ещё привел с собой прорву челяди. Оставлять все эти расходы на ваше попечение нам не позволяет совесть. — Линь Лан умоляюще сложил руки: — Если вы откажетесь принять подношение, отец непременно решит, что я не справился с поручением и проявил глупость. Прошу вас, сжальтесь над неразумным внуком и примите эти средства.

По правде говоря, старая госпожа лишь соблюдала приличия, выказывая щедрость. Услышав столь разумные и уважительные доводы, она благосклонно уступила:

— Что ж, уговорил. Я приму эти деньги на хранение. Если вдруг поиздержишься или понадобятся карманные расходы — только намекни своей бабушке!

— Непременно, бабушка! — с улыбкой пообещал юноша. — Но есть у меня ещё одна смиренная просьба к вашей милости.

Матриарх ласково похлопала его по руке:

— Говори без утайки, старуха во всём тебе пойдет навстречу.

— Дело пустяковое. Я только с дороги, и в отведенном мне дворике наверняка царит кавардак. Сам я в хозяйственных делах смыслю мало, а служанки мои глупы и не знают здешних порядков. Позвольте мне забрать сестрицу к себе на несколько дней, чтобы она помогла навести лад? — вкрадчиво, по-детски попросил Линь Лан.

— Сестра твоя слаба здоровьем, а ты взваливаешь на неё домашние хлопоты, — покачала головой старая госпожа. — Впрочем, если она сама не против — пусть погостит у тебя, заодно и наговоритесь всласть.

— Разве я позволю ей перетруждаться! — тут же заверил Линь Лан. — Ей нужно лишь приглядеть за девками, уверяю вас, она и пальцем не пошевелит!

Он повернулся к Дайюй и взял её за руку:

— Милая сестрица, выручи брата, присмотри за порядком!

Дайюй с детских лет была очень привязана к брату. Видя его умоляющий взгляд, она не устояла:

— Раз уж брату так нужна моя помощь, полагается ли мне за это награда? Без подарка я и с места не сдвинусь!

Линь Лан с улыбкой извлек из-за пазухи шпильку в виде изящных цветов лагерстрёмии, над которыми трепетала тончайшей работы бабочка.

— Эту вещицу я придумал и сработал сам, — сказал он, протягивая шпильку сестре. — Не взыщи, если вышло топорно.

Дайюй и без того пришла в восторг от изысканной работы, а узнав, что брат сделал шпильку своими руками, и вовсе растаяла от нежности.

— Твоя работа великолепна, братец, — ласково промолвила она, принимая подарок. — Раз уж плата получена, так и быть, я помогу тебе обустроить гнездышко.

Наблюдая за их нежной привязанностью, старая госпожа не могла сдержать счастливой улыбки. Однако, рассудив, что после долгого пути внуку необходим отдых, она распустила собрание и велела Дайюй проводить брата в его новые покои, чтобы тот мог умыться и перевести дух.

По дороге к дворику Линь Лан расспрашивал сестру обо всем, что приключилось с ней за эти три года в столице, и Дайюй охотно делилась новостями. Войдя во двор, они увидели аккуратные ряды сундуков, расставленных прямо на мощеной площадке.

— Вот видишь, как хорошо, что ты пошла со мной, — подмигнул Линь Лан. — Без тебя я бы точно пропал среди этого скарба.

— Брату предначертаны великие свершения, — с улыбкой отозвалась Дайюй, — так что бытовыми мелочами займусь я.

С этими словами она отправила брата умыться, намереваясь лично проследить за разбором вещей. На дворе стояла середина лета, но близились сумерки. Вокруг флигеля густо росли бамбук и душистый османтус, дарившие благодатную прохладу.

И всё же Линь Лан беспокоился за её хрупкое здоровье:

— Спешить некуда. Сначала присядь в тени, познакомься со служанками, а уж потом принимайся за сундуки.

Понимая, что брат просто оберегает её, Дайюй послушно кивнула и вновь поторопила его с купанием.

Как только она устроилась под раскидистой кроной, Линь Лан велел Хэцзя принести дорожные гостинцы, а сам скрылся в купальне.

Хэцзя и Хэлэ откупорили ларец с фруктами, приказав младшим служанкам принести удобную кушетку и столик. Хэлэ бережно промыла плоды в ключевой воде и выставила их на блюде.

То были знаменитые деликатесы из их родных краев — Гусу. Уезжая, Линь Лан велел погрузить на корабль саженцы с завязями, и за долгие месяцы пути под ласковым речным солнцем плоды как раз успели налиться соком. Теперь перед Дайюй лежали спелые, глянцево-красные фрукты, благоухающие южным теплом.

Один взгляд на это чудо убедил Дайюй в трогательной заботе брата. На душе у неё потеплело: как же сладостно иметь рядом родного человека!

Цзыцзюань ловко очистила плод и поднесла барышне. Пока Дайюй лакобилась сочной мякотью, Хэцзя и остальные выстроились перед ней в ряд и почтительно склонились:

— Бьем челом молодой барышне!

— Полно вам, поднимитесь скорее, — ласково произнесла Дайюй.

— Благодарим барышню! — поднявшись, служанки замерли в ожидании.

— Как мне величать вас, милые сестрицы? — спросила Дайюй.

Хэцзя сделала шаг вперед и скромно опустила глаза:

— Барышня, нам не пристало именоваться вашими сестрицами, не смущайте служанок столь высокой честью. Мое имя — Хэцзя, на мне лежит забота о столе и яствах молодого господина.
— Закончив, она отступила назад.

Её место заняла Хэхуань:

— Моё имя — Хэхуань, я ведаю кроем и шитьем для молодого господина.

Следом выступила Хэлэ:

— Моё имя — Хэлэ, в моих руках ключи от казны молодого господина и учет расходов.

За ней сделала шаг Хэжу:

— Моё имя — Хэжу, я приставлена помогать молодому господину в повседневных нуждах.

Закончив представление, они выстроились по обе стороны от кушетки Дайюй, уступая место следующей четверке горничных:

— Ваша покорная слуга Жуи, приставлена оберегать покой вашего стола и следить за яствами.

— Ваша покорная слуга Жуин, приставлена ведать вашим гардеробом и рукоделием.

— Ваша покорная слуга Жущунь, приставлена помогать вам у туалетного столика и укладывать волосы.

— Ваша покорная слуга Жусинь, приставлена оберегать вашу безопасность.

Дайюй удивилась при последних словах:

— Оберегать мою безопасность?

Девушка по имени Жусинь выглядела настолько хрупкой и утонченной, что трудно было

заподозрить в ней защитницу.

Жусинь почтительно склонила голову:

— Всё верно, барышня. С ранних лет я обучалась боевым искусствам и ныне достигла некоторых успехов. Будьте покойны: моей силы хватит, чтобы уберечь вас от любой беды.

Дайюй сгорала от любопытства, но, рассудив, что сейчас не время для долгих расспросов, лишь мягко кивнула и позволила Жусинь занять свое место в строю.

Затем Дайюй выслушала имена шестнадцати младших служанок. Девушек было немало, но Линь Лан наделил их именами, созвучными пожеланиям мира, согласия и благополучия. К тому же в каждой четверке имена объединял общий иероглиф. Благодаря своему острому уму Дайюй без труда запомнила всех с первого раза.

Разобравшись с именами, она принялась распределять покои для служанок. Хэцзя заметила, что молодая барышня обделила вниманием собственное размещение, и заговорщически подмигнула Жуи. Та мгновенно поняла намек.

Жуи шагнула вперед:

— Барышня, отчего же вы не выбрали комнату для себя? Нам ведь нужно знать, куда вносить ваши сундуки.

Дайюй удивилась:

— Неужели брат привез и мои пожитки тоже?

Хэцзя с мягкой улыбкой пояснила:

— А как же иначе, барышня? Молодой господин души в вас не чает, разве мог он обделить вас заботой? К тому же он не зря выпросил у старой госпожи дозволение забрать вас на эти дни. Всё было задумано для того, чтобы вы погостили здесь подольше.

Хэцзя не стала утомлять её долгими уговорами, предоставив Дайюй самой принять решение. Изначально барышня планировала закончить с обустройством брата и сразу вернуться в покои Матриарха, но теперь, растроганная вниманием близких, уступила желанию побыть рядом с братом и выделила себе просторную светлую комнату.

Затем Дайюй распорядилась, чтобы восемь старших горничных взяли себе в помощь по две младшие служанки и вместе с чернорабочими прислугами из поместья Цзя разнесли сундуки по покоям.

Старшие горничные Линь Лана отличались завидной житейской мудростью. Каждая из них незаметно вручила помогавшим женщинам из дома Цзя по пять лянов серебра в качестве щедрой благодарности. Обрадованные и довольные такой щедростью, столичные служанки поспешили откланяться, оставив людей семьи Линь обустривать новое жилище в тишине и покое.

<http://bllate.org/book/18219/1751684>